

Дарья Жаринова

**Будь моим
сыном**

Дарья Жаринова

Будь моим сыном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673666

ISBN 9785449690173

Аннотация

20 тысяч долларов нужно найти Мирославе Ворошиловой за несколько дней. Только в этом случае её воспитанник останется жив. Она решается шантажировать местных князьков. Благо есть чем: у неё в руках два десятка фотографий и папка с документами. И дело выгорело! Вот только Мире, чтобы дожить до операции Стаса, придётся улететь из России в Тиват. Как в этой истории замешан возлюбленный Мирославы, и кто повесил её портрет с черной ленточкой на доску объявлений? Книга содержит нецензурную брань.

Будь моим сыном

Дарья Жаринова

© Дарья Жаринова, 2019

ISBN 978-5-4496-9017-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть всё пока остаётся так. Это всё равно единственный шанс. И она должна им воспользоваться.

Когда женщина остановила машину, на улице уже было темно. Впервые за много лет окружающий лес её не пугал. Накинув капюшон, она шагнула в темноту. Женщина шла уверенно, явно зная дорогу. Впереди показались большие ворота. Согнувшись, она пролезла под ними. Это было легко и привычно: она делала так не раз. Правда, уже в прошлой жизни.

От ворот, дальше в лес, шла широкая асфальтированная дорога. По ней женщина вышла к одноэтажному хозяйственному зданию. Собака, лежавшая у входа, никак не отреагировала на появление человека, она не была гостьей. Своя.

Женщина толкнула дверь и в нос ударила дикая вонь. Противный запах сигарет, протухшей еды, перегара и мочи пропитал всё вокруг. Ей было наплевать. Пройдя по запу-

танному коридору, она толкнула ещё одну дверь.

Посередине комнаты за столом сидел дряхлый старик. Он сильно кашлял, опустив голову вниз.

– Привет, дядь Мить, – женщина вполголоса поприветствовала его.

– Здравствуй, дочка, – он поднял на гостью ярко-голубые глаза. – Пришла? Я ждал.

– Да. Мне нужна твоя помощь. И не только мне, – она замолчала, собираясь с силами. – Только не могу до конца понять друг ты мне или нет.

– Ты успокойся, дочка. Сейчас ты для меня ближе всех живых, да и мёртвых ближе. Помни это. Я знал, что ты за ней придёшь. Но запомни, я не Иуда, я его не предаю. Он монстр. Пусть его дела принесут тебе добро, может, и ему тогда зачтётся.

Старик достал из-под подушки папку и протянул женщине.

Рука дрогнула.

«Всё, назад дороги нет», – Мира выдохнула и прикрыла глаза.

Она протянула руку, взяла тонкую папку, открыла и пролистала её. Снова закрыла глаза и выдохнула. В папке были документы и несколько десятков снимков. Женщина не смогла просмотреть их все.

– Дядь, Мить, это ещё не всё. Сейчас я заберу папку, но потом передам с рабочими снова тебе, сюда. А ты должен

будешь поехать в городок подальше и отправить их по адресу, который я тебе скажу. Я его пока сама не знаю. Ты найди там каких-нибудь алкашей, и постарайся, чтоб они тебя не запомнили, дай денег и отправь на почту. Только проконтролируй.

Она протянула старику телефон.

– Я позвоню тебе на этот телефон, и ты поедешь. Потом выкинь его. Затем тебе придётся пожить у меня на даче, пока я сама за тобой не приеду. Если через месяц не приеду, значит – всё.

– Я всё сделаю. Иди.

Она засунула папку в рюкзак и направилась к выходу.

– Дочка, – окликнул её старик, – ты береги себя, и помни, он – монстр.

Потом он быстро перекрестил её и закашлял.

Домой она решила пока не возвращаться.

* * *

Машина остановилась возле главного бизнес-центра города. Женщина забежала внутрь и поднялась на девятый этаж. За столом в приёмной одного из офисов сидела улыбчивая девушка. «Елена» было прикреплено к её груди.

Мира старалась выглядеть спокойной:

– Лена, здравствуйте. Виктор Николаевич у себя?

– Добрый день. А вы записывались?

– Нет. Я только сегодня ночью собралась, – Мира хотела пошутить, но сейчас это у неё не получалось. – Скажите, что

меня зовут Ворошилова Мира. Мы раньше вместе работали. Думаю, он вспомнит. И скажите, что у меня есть важная информация для него.

В глазах Леночки читалось недоумение, но не выполнить просьбу она не могла.

– Виктор Николаевич, – сказала она в трубку. – К вам Мира Ворошилова. Говорит, что вы должны помнить её по предыдущей работе. У неё важная информация для вас.

Дослушав начальника, она кивнула на кабинет. Мирослава быстро подошла к двери и с силой толкнула её. Последние несколько дней у неё всё было быстро и резко. Она боялась.

В центре большого и просторного кабинета сидел её бывший начальник Виктор Николаевич Сазонов.

Он начинал свой путь в этот дорогой кабинет с директора провинциального Дома культуры. Затем – областное Министерство культуры, депутатство в Законодательном Собрании региона. Теперь, по сообщениям местных СМИ, он метил в кресло спикера Госдумы РФ. Предыдущий представитель области в Совете Федерации несколько недель назад помер от пьянки и обжорства. Так писали газеты. И когда Сазонов уже начал потирать руки, в гонку за спикерское кресло вступил экс-глава города Иван Михайлович Егоров. Тот был политиком упёртым, с серьёзными покровителями и, как поговаривали в народе, жутким тираном.

Все эти скромные данные Мира почерпнула на страницах местных новостных порталов. Тогда картинка в её голове

сложилась.

Увидев её, хозяин кабинета сдержанно и всё-таки удивлённо улыбнулся:

– Мира, здравствуй. Чему обязан такой встрече? Как твои дела?

– Виктор Николаевич, – оборвала она. – Давайте без напускных любезностей, я по срочному делу. Слышала, в столицу хотите перебраться. Но пока вашим скромным мечтам не суждено сбыться. И всё дело в Егорове. Как вы назвали его в одном из интервью, самодуром? Однако вы его боитесь, и ещё как боитесь. Верно?

– Мирослава, прости, но я пока ничего не понимаю.

– Ладно вам, – она махнула ладонью. – Всё вы понимаете. Егоров вас раздражает, кулаки по нему чешутся, а ручки коротенькие, как у карлика. Вы пока, уважаемый Виктор Николаевич, политический карлик, но всё может резко поменяться. У меня есть то, что поможет вам избавиться от Егорова раз и навсегда. И путь открыт.

В глазах Сазонова читалось недоверие, надменность и жажда власти, вспыхнувшая в считанные секунды. Он был слабый, но амбициозный охотник.

– Как вам предложение? – нервы Миры были напряжены до красной зоны, ещё чуть-чуть и движок закипит, но она старалась держаться. Если проиграет сейчас, дальше что-то делать бесполезно. С другой стороны она понимала, что выглядит, как заигравшаяся в «Казачи-разбойники» пяти-

кляшка.

– Что за бред ты несёшь? Это смешно и нелепо. Ты простая... Кстати, где ты сейчас? – он спросил это, чтобы унять раздражение и хотя бы на время перевести тему.

– В школе. Учитель русского языка и литературы. Вот только давайте о моей карьере поговорим потом, а сейчас... Хотя сейчас нам вообще не о чем разговаривать. Скрыть то, что вам моё предложение интересно, вы уже не смогли. Поэтому добавлю, у меня в папке несколько десятков снимков и документы, – она постучала рукой по рюкзаку. – Стоит это всё 20 тысяч долларов. Выйдя отсюда, я пришлю вам один абзац с любой страницы документа и фрагмент снимка. И я постараюсь, чтобы вы всё поняли, но использовать не смогли. Это будет выборочная информация. Далее вы решите, нужно ли это вам. Если да, то пришлите на эту почту сообщение с какой-нибудь афишей на выходные.

Мира привстала со стула и протянула Сазонову лист бумаги с адресом электронной почты. Потом помолчала и неожиданной дерзко заявила:

– Только интересные мероприятия, пожалуйста. Вдруг схожу. Но сначала я пойму, что вы согласны. Затем в течение семи дней, вы переведёте на карту 20 тысяч долларов, а я пришлю документы. Гарантий с моей стороны никаких. Но 20 тысяч не та сумма, чтобы ей не пожертвовать. Полученной информацией вы сможете распорядиться по своему усмотрению. Я пришлю подлинники.

Она поняла, что зацепила его.

– Мира, зачем тебе это всё? – голос собеседника стал серьёзней. – Я сгнил не до конца. Уходи. То, что ты задумала опасно. Зачем? И почему ко мне? Шантажируя его, ты могла бы получить в разы больше.

– Нет, – почти выкрикнула она. – Больше мне не надо. А к вам я пришла, потому что не до конца сгнили. В том случае, если информация вас не заинтересует, я, действительно, попытаюсь продать её Егорову. Мне нужны деньги в течение недели. И я пойду хоть чёрта шантажировать. Если для этого мне понадобится кого-то убить – убью. Сейчас я уйду, а вы подумайте. Хорошо подумайте. Если решитесь, то напишите.

Мира встала и вышла. Она боялась услышать что-то в ответ. Если он откажется, всё рухнет. Она видела документы. Судя по ним, Егоров настоящий монстр. И сунувшись к нему, она проживет недолго. Тогда Стасу уже никто не поможет.

20 августа 2018 года. Москва. РДКБ.

– Анатолий Васильевич, звонит Мирослава Ворошилова. Очень просила вас найти, что ей сказать? – в палату, где проводил осмотр доктор Ремпель, заглянула медсестра.

– Спасибо, Ольга Владимировна, – он коротко кивнул. – Скажите, пусть подождёт, я скоро подойду. И помягче с ней, хорошо?

Врач торопливо закончил обход. Эта странная женщина

вызывала в нём преклонение и желание помочь. Помочь ей и её сыну. Она называла его только так. Хотя сыном он ей не был. У них разница в возрасте не больше 10 лет. Мирослава Ворошилова и Стас Богушевский. Самые странные его пациенты.

Доктор Ремпель вошёл в свой просторный кабинет и взял трубку:

– Здравствуй, Мир, – услышала она сильный успокаивающий голос.

– Анатолий Васильевич, доброе утро. Я почти нашла деньги. Правда, их хватит только на операцию и клинику. Но я буду искать дальше. Успею машину продать. Это ещё тысяч 200 рублей. Этого хватит?

– Да, сполна, – доктор своим истинно мужским чутьём понял, что она ввязалась в какое-то неприятное дело. – Мир, какой ценой?

– Я пока сама не знаю. Единственное – я вряд ли смогу привезти его к вам сама. Через некоторое время уеду из города. Могу я снова попросить вас о помощи? – разговаривая с этим взрослым мужчиной, она чувствовала себя в безопасности, поэтому силы покинули её и голос дрогнул.

– Ты можешь просить меня о чём угодно. Сделаю, что смогу, – она же, наоборот, наполняла его уверенностью и смелостью.

– Анатолий Васильевич, я договорюсь с проводником и посажу Стаса на поезд до Москвы. Вы могли бы встретить

его на вокзале и разместить в больнице, потому что больше нигде.

– Об этом можешь даже не думать. Стасу будет лучше у меня. Я всё равно живу один и постоянно на работе. Там комфортно и безопасно.

– Спасибо вам, – в этом спасибо была вся честность материнской любви.

Она продолжила:

– Затем в течение недели я постараюсь тоже приехать. Если же..., – Мира задумалась. – Если что-то пойдет не так... я не знаю, что тогда.

– Мирослава, послушай. Я сделаю всё, что будет зависеть от меня. Просто, к сожалению, денег таких у меня нет.

– Спасибо. Когда я соберу деньги, переведу их вам на карту. Расскажите мне, что потом?

– Мы ещё раз проведём обследование. Я свяжусь с однокашником, практикующим в Израиле, и будем ждать вызов. А там только ехать и верить.

– Хорошо, я поняла.

– Мир, присылай парня, а дальше я всё сделаю.

– Анатолий Васильевич, мне неудобно, но, скорее всего, я не смогу отблагодарить вас.

– Сделай меня его крёстным отцом.

Положив трубку, доктор Ремпель откинулся в кресле и глубоко затянулся сигаретой. Делал он это в исключительных случаях и, похоже, сейчас был такой.

«Мне 52 и, кроме работы, у меня никого нет. Квартира в Москве, машина, благодарные пациенты. Никого. А тут судьба подсовывает мне этих двух: 15-летний пацан со смертельным диагнозом, каких сотни в больнице, и провинциальная 25-летняя учительница, которая чёрт знает во что ввязалась, чтобы собрать деньги на его лечение. Цинично, но это шанс прожить жизнь не зря», – думал Ремпель, выпуская тугую струю дыма.

Размышления его были слишком тяжёлыми, чтобы продолжать их долго. Решение проблемы начало приходить как-то спонтанно и разрозненно, никакого конкретного плана у Анатолия Васильевича не было.

В дверь его кабинета постучали.

– Да, – крикнул он.

В кабинет вошла и присела на диван его ассистентка Кира.

– Толь, коньячку выпьем? – она смотрела на него прямо и устало. – Тяжёлое дежурство, сил, ну, просто нет.

Это было не совсем так: дежурство тяжёлое, но они здесь все такие. А вот, проработав с ним много лет, она точно знала, что курить в кабинете без особого повода он не будет.

– Кир, я за рулём.

Женщина уже разливала коньяк по бокалам:

– Да ладно, я вызову тебе такси.

Кира Георгиевна Стоцкая была обыкновенно красива. В свои 52 она выглядела не девочкой, но сексуальной молодой женщиной: густые светлые волосы до плеч, идеаль-

ной формы брови, жемчужно-серые блестящие глаза и улыбка, оголяющая зубы. Они учились и работали вместе. Сколько лет он уже и не помнил. Оказывается, он вообще ничего не помнил о своей жизни. Только пациенты, диагнозы и дорога от больницы до дома. А когда-то в молодости у него даже была жена.

Он поднял взгляд на Киру, и почему-то его единственным желанием в этот момент было засунуть пальцы ей в волосы и узнать, как они пахнут. Он был уверен, что они восхитительно и очень по-домашнему пахнут.

«О чём ты думаешь, дурак. Это ж Кира. Надёжная, родная Кира».

– Кир, знаешь, у меня будет к тебе одна странная просьба, – он смотрел на неё, но взгляд был расфокусирован. – Даже не знаю, как тебе объяснить.

– Слушай, ты давай ничего не придумывай и не ври. Скажи, что надо, и я сделаю, – годы работы научили доверять ему и делать всё, о чём попросит. Но до этого момента он ничего не просил.

– Мне нужен отпуск. Я не знаю, как его взять. Я поеду за Стасом Богушевским. Ты помнишь. Потом тебе придётся пожить с нами. Его же надо кормить. И вообще... – Ремпель разозлился и даже стукнул ладонью по столешнице, потом успокоился и тихо спросил, – ты поживешь с нами?

– Поживу, Толь.

– Я позвоню тебе, когда будем подъезжать к Москве.

– Я поняла. С завтрашнего дня ты в отпуске.

* * *

– Привет, мой странный улыбочивый друг. Ты дома? – Мирослава была рада ему позвонить.

– Мой мир, – в трубке звучал голос из студенческой молодости.

Севастиан, как его называли в кругах местных художников с ударением на первую «а», снова был безнадежно одурманен марихуаной.

– Сева, сукин ты сын, обещал же завязать, – они были знакомы девять лет, с первого курса литфака, и обещал он это десятки раз. – Ладно, твоё дело. Мне нужны интернет, ноутбук и кофе.

– Мир, если ты посетишь мой дом, его озарит самое яркое и тёплое солнце.

– Сева, – серьёзно повторила она, – ты бы реально прекращал, так и отъехать недолго.

– Нет, мой мир, я есть искусство, а подлинное искусство – бессмертно.

«Ладно, сейчас даже хорошо, что он не различает действительность и свой космос», – этого она вслух не сказала.

– Я сейчас заеду.

Мирослава завела машину и поехала в старый город.

Знакомый дом. Столько здесь было выпито в студенческие годы. Самые лучшие годы. Дверь не заперта. Ах да, искусство не может жить взаперти. Она толкнула её и сразу по-

чувствовала терпкий и сладкий запах масляных красок, который ненавидела. Навстречу ей вышел Всеволод Залесский. Это была его настоящая фамилия, доставшаяся от деда-путешественника польско-украинского происхождения. Родители Севы тоже были путешественниками, и когда ему исполнилось три года, отбыли в очередное «плавание», да так и не вернулись. Но живы они были до сих пор. Вроде бы. Об этом рассказывала бабушка Севы, которая и занималась воспитанием внука. Ещё несколько лет назад она питала надежды, что между внуком-художником и отличницей Мирославой Ворошиловой будет бурный и продолжительный роман, но его не случилось.

– Что я вижу! На пороге моей скромной обители появился весь мир, – Сева трепетно по-дружески прижал гостью к груди.

– Сев, ты прости, я не в гости. У меня небольшие неприятности. Нужен покой, интернет и немного кофе с корицей, если есть, – перечислила Мира, когда первый поток Севиной нежности немного схлынул.

– Для тебя, мой мир, я бы даже вышел в застенную жизнь и купил это. Но, к моей радости, всё и так есть.

Он провёл её в просторную тёмную гостиную.

– Ноутбук, – он показал на стол. – Кофе сварю и позову тебя.

Как только он вышел из комнаты, Мира открыла ноутбук и почту. Несколько непрочитанных писем. Десять секунд.

Страница всё никак не открывается. Ещё несколько секунд. Флешка с документами, которые она заранее отсканировала, лежит в кармане.

Мирослава хотела написать письмо с электронной почты хозяина, но потом решила, что подставлять его будет подло. Неизвестно, чем всё закончится.

Несколько кликов мышкой и письмо с фрагментами документов отправляется Сазонову. Процесс запущен. Дальше только ждать.

Она оторвалась от монитора и почувствовала, как по огромному мрачному дому разливается успокаивающий запах кофе. Она почувствовала, как приятель добавил в турку корицы. Запах распространился по всем комнатам. И ей захотелось остаться в этом доме, потрепаться с Севой, а вечером собрать старую гвардию и выпить. Но кнопку «Отправить» она уже нажала.

«Что же ты, Мира, делаешь? Знаешь, что кишка тонка, знаешь, что испугаешься и дашь заднюю, когда у парня только появится надежда», – эти слова она повторяла себе уже не в первый раз, но что-то помогало ей не отступить.

– Мой Мир, кофе подать сюда или пройдёшь в столовую, – хозяин дома заглянул в комнату.

– Сейчас иду, Сев.

Мира вошла в кухню и с ногами залезла на высокий дубовый табурет – всегда так делала. Кактолько она устроилась, из коридора раздалась мелодия её телефона. Миросла-

ва прыгнула и побежала за ним в надежде, что звонит Стас.

– Мир, привет, – с максимально возможной бодростью сказал он.

– Алло, Стас. Я целый день тебе звоню. Ты почему трубку не брал? Так нельзя, Стас, – всё это она почти простонала в трубку.

– Мир, я только увидел пропущенные. Извини, после школы на тренировку пошёл. Не слышал, – он не оправдывался, а просто и спокойно объяснял. Такой он был всегда, несмотря на свои 15 лет.

– Ты же обещал! Ты обещал, что не будешь тренироваться.

– Мир, не кричи. Тошно дома. Всё давит. Не могу я там. И я почти не занимался, сил сегодня совсем нет, просто сидел с ребятами.

Ей стало стыдно:

– Извини, не буду больше кричать. Стас, нам надо встретиться. Срочно.

– Всё нормально? – он только сейчас обратил внимание на её растерянный голос.

– Да, всё хорошо. Просто надо поговорить.

Они договорились, где встретятся, и она сбросила звонок.

Мирослава решила, что кофе подождёт, и вернулась к ноутбуку. В ящике висело одно неп прочитанное письмо. Старые входящие она удалила. В письме приглашение на спектакль местного театр. Постановку Мира видела. Заканчива-

лась она хорошо.

Мирослава начала соображать, что делать дальше. Где-то в глубине души она была уверена, что Сазонов откажется. Но что тогда?

В комнату снова заглянул Сева. На этот раз он был раздражён:

– Мир, что за беготня. Кофе остывает, а холодный кофе, как холодная яичница, – редкостная гадость. Придётся новый варить.

– Севочка, дорогой, прости. Не надо новый. Мне, к сожалению, пора.

– Как? Я думал, мы хоть поговорим, тысячу лет тебя не видел.

– Нет, прости, надо ехать. Дела. Давай в следующий раз. Торжественно клянусь, что навещу тебя снова.

– Ладно, – он приобнял её и чмокнул в щёку. – Злиться на тебя всё равно не могу. Приезжай, я буду ждать.

Она села в машину и задумалась. Пока надо уговорить Стаса поехать в Москву на обследование, а затем в Израиль на операцию.

15 июля 2016 года.

Автобус с детьми остановился около разукрашенных ворот. Каждое лето Мирослава Ворошилова проводила своё лето здесь. В автобусе находился её новый отряд. Она любила детей, любила сумасшедший ритм лагерной жизни, тёплые ночные посиделки с воспитателями и гитарой.

Только на этот раз она приехала прощаться. С родной и любимой «Радугой». Нет, какой-то определённой причины не было. Просто она это чувствовала. Эта смена станет последней и она уж больше никогда сюда не вернётся.

Пока Мирослава в предвкушении смотрела вглубь территории, дети начали вырываться из автобуса. Воцарился хаос. Парни рвались первыми, но огромные девичьи чемоданы, стоявшие в проходе, не пускали их. Мальчики пинали чемоданы, девочки ругались на мальчиков.

«Всё, Мирослава Игоревна, понеслась. Каждый год ты сама этого хочешь», – она усмехнулась про себя.

– Так, все сели на места, – уверенно начала молодая воспитательница. – Пока не проведём перекличку, никто не выйдет. Я называю фамилию, вы берёте свои вещи и выходите. Спокойно встаете около автобуса. Дальше идти никуда не надо, ждёте весь отряд. Всё ясно? – дети в ответ недовольно загалдели, но остались на своих местах.

Она начала перекличку. Из автобуса вышли почти все. На листе оставалась одна фамилия, написанная почему-то не в алфавитном порядке и от руки: Богушевский Станислав.

«Большое будущее должно быть у человека с такой фамилией», – подумала Мирослава. Она любила красивые и необычные фамилии. Когда весь отряд оказался на улице, Мира начала вытаскивать свои вещи. Однако для неё чемодан оказался неподъёмным: в автобус его затаскивал отец.

Заметив её мучения, от толпы галдящих подростков от-

делился парень с улыбочивыми глазами:

– Мирослава Игоревна, давайте помогу, – он слегка отодвинул её в сторону и взял чемодан. – Какой тяжёлый, как же вы его в автобус запёрли? – он опустил багаж на землю и протянул Мире руку, – Стас.

– Мирослава Игоревна, – Мира некрепко ответила на рукопожатие. – Спасибо, Стас, что помог.

Он улыбался.

Так завязалась их дружба. А спустя неделю, он чуть не умер у неё на руках.

В корпусе, где вместе с отрядом жила Мирослава, было очень жарко. Четвертый этаж – мансарда. Стас поселился в комнате с двумя близнецами, мама которых строго настрого запретила открывать окна, чтобы «мальчики» по 80 килограммов весом не простудились на сквозняке. Мира подумала, что это произошло от духоты. Перед тихим часом в её воспитательскую комнату без стука влетел один из близнецов:

– Мирослава Игоревна, там Стас... Стас это... Он упал. Он не дышит, – кричал подросток.

Мира оттолкнула воспитанника и бросилась в комнату. Стас сидел на полу, спиной к кровати. Его голова была запрокинута назад. Лицо бледное. На первый взгляд жизнь, действительно, отсутствовала. В комнате собирался народ.

– Все вон, – заорала Мирослава. – Близнецы быстро открыли окно и тоже вышли. За медсестрой бегом.

– Никита уже убежал за врачами, – откликнулся кто-то из коридора.

Мирослава действовала инстинктивно, никаких основ первой медицинской помощи она не знала, хотя что-то где-то про медпомощь и рассказывали. Челюсти Стаса были крепко сжаты. Она пальцами разжала зубы. Язык был запрокинут в горло. Придерживая голову одной рукой, указательным пальцам Мирослава достала его, а большим зафиксировала в обычном положении.

– Дыши, мой хороший, дыши.

И он сделал отрывистый свистящий вдох. Но глаза не открыл.

– Давай, Стас, дыши, только дыши, – по её щекам потекли слёзы.

Он дышал.

Через несколько секунд в комнату забежали врач и медсестра. Они велели двум подросткам положить Стаса на кровать. Потом из комнаты выгнали даже Мирославу. Через несколько минут на этаж поднялись физруки с носилками. Стаса, немного порозовевшего, но все ещё с закрытыми глазами, переложили на носилки и отнесли в медпункт. Мира осталась около входа, внутрь её не пустили. У медицинского корпуса собрались некоторые воспитатели. Мира не слышала, что ей говорили. Её трясло. Из города приехала «скорая». Когда врачи вошли в медпункт, из единственной палаты раздался визг. Потом Стас рассказал ей, что тогда пришёл

в себя и закричал от страшной боли. Его увезли в больницу, но уже через три дня он вернулся в лагерь.

Потом, в родительский день, когда к доброму, общительному и смертельно больному Стасу Богушевскому никто не приехал, он всё ей рассказал. Рассказал историю своей короткой 15-летней жизни.

Каждое утро он открывал глаза и видел обои, клоками свисающие со стен, чувствовал тошнотворный запах сигарет, перегара и грязных тел. В соседней комнате спала его в стельку пьяная мать. Каждый день, собираясь в школу, он видел, как она валяется на полу, иногда одна, иногда в окружении таких же бесполок существ.

И так всю жизнь. Раз пять она приходила в себя, стояла на коленях, просила прощения, несколько дней не пила, а потом всё сначала.

Её давно лишили родительских прав. Стаса несколько раз забирали в приют. А когда он сбежал из детдома в четырнадцатый раз, полицейские и социальные службы закрыли на это глаза. Тем более учился он хорошо, а всё свободное время занимался карате. Жил Стас на государственную пенсию размером в шесть тысяч рублей. Но ему хватало, чтобы прокормить себя и мать. Когда он был поменьше, мать умудрялась воровать у него деньги, но теперь это было исключено.

Еще в его жизни была Надежда Александровна. Женщина, которую приставила соцзащита следить за его жизнью.

Но Стас быстро договорился с ней о мирном существовании, и виделись они раза два в месяц.

Готовить он научился в пять лет, ведь чем-то надо было кормить пьяную мать. Сам Стас ел в школе. Этого почти хватало на день. Хотя и дома можно было что-то перехватить: хлеб и чёрные макароны у него были всегда.

За 15 лет Стас был счастлив лишь однажды. Мама не пила 12 дней.

Тогда пожилая соседка в очередной раз занесла им картошку и какие-то овощи. Такое случалось часто. Клавдии Ивановне было 74 года. Два раза в месяц к ней приезжал сын и привозил продукты, ими она делилась со Стасом.

Картошке мальчик обрадовался и сразу решил её сварить, чтобы поесть самому и накормить мать. В пять лет он уже уверенно держал нож.

Наложив картошку в глубокую алюминиевую чашку, он взял нож и стал её чистить. Когда картофелин оставалось совсем чуть-чуть, нож выскользнул из уставших детских рук и порезал ладонь. Мальчик испугался, начал кричать, кровь текла быстро, и он не знал, что делать. Стас выбежал в зал, где в беспамятстве валялась его мать. Она подняла мутный взгляд на ребёнка, и какая-то сила толкнула её к нему. Женщина затащила мальчика в ванную, включила холодную воду. Когда кровь перестала идти, она зажала рану грязным полотенцем, обняла Стаса и заплакала.

Обнявшись, они просидели на полу час. Его, пятилетнего

Стаса, мама обнимала тогда первый раз. Сам случай он помнил смутно, а вот детское абсолютно безграничное ощущение чуда, запомнил на всю жизнь.

Потом Стас начал засыпать. Женщина на руках отнесла его в кровать. Всю ночь она провела рядом с сыном, а утром Стаса на завтрак ждала варёная картошка и чай с сахаром.

Ничего вкуснее нескольких варёных картошин и сладкого чая Стас не пробовал. Нет, баба Клава угощала его конфетами и мороженым, но мама...

Так было 12 дней: мама обнимала его, просила прощения, варила картошку и делала чай. А в один из дней даже дала три конфетки, которые попросила у соседки. А потом снова запила.

На фоне тех счастливых дней, всё, что происходило дальше, было ещё страшнее.

Стасу исполнилось семь. В садике ему сказали, что осенью он пойдёт в первый класс. Всё лето он ходил с баб Клавой на дачу, помогал ей по огороду. К сентябрю она купила ему дешёвенькую, но белую рубашку, и погладила брюки, которые остались от внука. Эти брюки она неделю подгоняла под Стаса. Он был очень худой и невысокий, в отличие от упитанного внука. Портфель, тетрадки и ручки ему подарили в садике. Он ждал 1 сентября и верил, что со школой изменится жизнь.

Когда Стас вернулся от соседки, после последней примерки, дом уже был полон пьяных гостей. Они не обратили

на мальчика внимания, только мать промычала что-то похожее на «сынок». Он быстро прошмыгнул в свою комнату и постарался уснуть. Завтра у него был сложный день, надо выспаться. Уснуть не получалось, а пьяная компания орала всё громче и громче.

Наконец, он решился. Вышел в зал и тоненьким голосом попросил их разговаривать потише. Что произошло дальше, он не понял. Его отбросило назад, как во время взрыва. Оказалось, это стеклянная бутылка. Один из приятелей матери бросил её прямо в лицо мальчику. Из брови потекла кровь. Глаза смотрели через красную пелену. Боль пронзила маленькое тельце, а страх душу. На несколько секунд ему показалось, что один глаз перестал видеть, он потёр его кулачком. Нет, просто кровь. Стас побежал в ванную, умылся и тихонько, по стеночке, вернулся в комнату. Внимания на него больше никто не обращал.

А ещё чуть позже Стас рассказал Мире, что болеет. Болеет сильно. Местные врачи лишь разводили руками и говорили, что нужна дорогая операция и, скорее всего, за границей. Ему было 15 лет. Денег на лечение не было. И он решил жить как обычный здоровый человек, жить, сколько ему отмерено. Пусть недолго, но жить, не боясь смерти, жить, как будто впереди счастье.

В 15 лет смертельно больной парень, принял решение жить счастливо.

После смены, когда они вернулись в город, Мира захоте-

ла встретиться с его матерью, посмотреть ей в глаза. Чтобы не ставить в неловкое положение Стаса, она пошла к ней, когда он был на тренировке. До конца Мирослава не понимала, зачем делает это. Чего она хочет от женщины, которая превратила в ад жизнь собственного ребёнка? Она хотела как-то исправить всё, пробудить в ней совесть? Нет. По большому счёту она смалодушничала: надеялась, что всё окажется неправдой или хотя бы преувеличением.

Всю дорогу до его дома, она раздумывала, что скажет матери своего воспитанника.

Но дверь ей никто не открыл. Мира звонила несколько раз. Без толку. Она уже собралась уходить, когда открылась дверь квартиры напротив:

– Вы из опеки? – спросила у неё маленькая старушка с добрыми глазами. На голове у неё, как и положено среди добрых бабушек, был повязан голубой платочек, под который она сухонькой ручкой заправляла выбившуюся седую прядь.

– Нет, я из школы, – и Мира не врала, она действительно работала в школе. – Вот хотела поговорить с матерью Стаса Богушевского, но она дверь не открывает, наверное, дома нет.

– На работе она. А вы ко мне заходите, я его бабушка. Живём напротив, – старушка шире распахнула дверь.

Мира сразу поняла, что эта соседка и есть Клавдия Ивановна, а значит и про работу, и про родство она врёт.

Квартира соседки оказалась ещё светлее и уютнее, чем она сама. Женщины прошли на маленькую кухоньку, где повсюду были разложены вязанные крючком накрахмаленные салфетки. Роскошью здесь не пахло, а вот тепла было не занимать.

– Садись, дочка, – бабушка принялась наливать воду в чайник. – Вот смотрю на тебя и радуюсь, какие молоденькие учителя в школе работают. И глаза у тебя добрые, только грустные.

– Да что вы, вовсе нет, – Мира улыбнулась. – А расскажите мне про Стаса и его маму. Мы перед каждым новым учебным годом проверяем, насколько ученики к нему готовы, – Мира подыгрывала женщине в её лжи.

– Да что рассказывать, – вздохнула соседка. Было видно, как тяжело ей врать, но скажи она правду, Стаса снова могли забрать в детдом.

– Тетрадки-ручки купили, учится он, дай Бог каждому.

– Клавдия Ивановна, я вам соврала. Работаю я в школе, но не в той, где учится Стас. Мы с ним в лагере познакомились. Я была его воспитателем. Он мне всё рассказал. И про мать, и про вас, и про бутылку перед первым классом. Я знаю, что вы не его бабушка, а соврали, чтобы его в детдом не забрали. Я хочу ему помочь, а как не знаю, – выпалила Мира на одном дыхании.

Старушка смотрела на неё недоверчиво и немного напугано:

– Сам рассказал? Быть того не может.

Мирослава быстро-быстро утвердительно затрясла головой:

– Да-да. Я понимаю, что это всё странно, но, поверьте, я очень хочу ему помочь.

– Если ты не врешь, то ты, дочка, первая кому Стас открылся. Никогда никому слова не говорил, всё боялся, что в детдом заберут, – женщина присела на краешек табуретки. На глазах у неё выступили слёзы. – Значит, тебе поверил. А если поверил, ты знаешь то же самое, что и я. И что помочь мы ему не можем.

В глазах Клавдии Ивановны стояли слёзы. Они не текли, а просто стояли. И тоска, которая читалась в её глазах, как лупой приумножалась слезами.

Говорили женщины почему-то шёпотом. Но каждое слово этой милой сказочной бабушки врезалось в сердце Миры.

– ... Он тогда учился во втором классе. Я выхожу на лестничную клетку мусор выбросить, а тут Стасик мне навстречу. Я у него спрашиваю, куда он собрался, а он отвечает, что в бассейн. Я подумала, может, хочет на секцию записаться, а он: «Нет, баб Клав, там по телевизору мультики идут каждый вечер». Ко мне он попроситься стеснялся. В тот день я окончательно решила его к себе забрать. Уговорила. Но толку-то: он два дня пожил, а потом всё равно к ней вернулся. Любит он её. Да так любит, как не каждый ребёнок умеет, никогда не бросит и лучшей жизни не выберет.

Старушка промокнула уголком платка так и стоявшие слёзы.

Ещё немного посидев, Мира попрощалась и на всякий случай оставила номер телефона.

* * *

«Ну, почему так? Почему деньги на операции „звёздам“ собирают на Первом канале. А он, и так измученный, никому не нужен», – она часто рассуждала об этом. У неё даже были мысли обратиться за помощью в благотворительный фонд, объявить сбор средств. Но был бы скандал. Она понимала, что Стас перестанет ей доверять, поступи она так.

Пока она искала место для парковки, телефон, валявшийся на соседнем кресле, противно запиликал.

– Да, Анатолий Василич, – она сразу взяла трубку.

– Мир, слушай, я сейчас выезжаю к тебе за Стасом. Не знаю, что там у тебя происходит, но думаю, так будет лучше.

– Нет, подождите. Не надо этого делать, – она застеснялась. – Мы справимся. Вы и так много для нас делаете.

Мира понимала, что присутствие рядом со Стасом врача и мужчины – идеальный вариант, но ей всё равно было неудобно.

– Мир, сейчас вообще не до этого. Я не за советом звоню или твоим разрешением, я звоню предупредить, чтобы ты вещи его собрала. Ехать часов 6, ориентируйся.

– Но я не знаю, что сказать...

– Ничего не говори. Собирайтесь. Времени потом не будем, мы обратно сразу поедем.

Она повесила трубку и даже улыбнулась. Главное – Стас будет в надёжных руках.

Пассажи́рская дверь открылась, и он плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Мир, ну, с кем можно столько трещать, питят раз тебе позвонил, – казалось, он доволен жизнью.

Мира наклонилась и чмокнула его в щёку. Со стороны Стас выглядел обычным подростком, у которого вся жизнь впереди. И только она знала, что времени у него мало и силы заканчиваются.

– Стас, – от напряжения голос охрип. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Понятно, – он закатил глаза и снова улыбнулся. – Начинается.

– Послушай. Сегодня вечером тебе придётся уехать в Москву, на обследование, а оттуда, если всё будет хорошо, в Израиль – на операцию. Но... – Мирослава замялась. Она не хотела давать ему надежду, а в том, что её затея выгорит, она сомневалась, – но... это не точно. Про Израиль.

– Мир, я так и знал, что ты опять начнёшь. Ты достала уже. Я не поеду. И ты это знаешь. Не могу я её бросить, тем более сейчас, когда она снова начала бороться.

Это было правдой. Марина, мать Стаса, не пила уже четыре дня. Но насколько её хватит на этот раз, было неизвестно.

– Стас, надо. Это единственный шанс, а ты не дурак. И ради неё это сделать тоже надо. Одна она пропадёт, – голос её дрогнул. Мира никогда не показывала ему ни слёз, ни отчаянья, не хотела быть слабее 15-летнего парня.

– Не перебивай, – она рукой остановила его, когда он попытался что-то вставить. – Я всё продумала. С твоей мамой поживу я.

Она врала. Ей самой надо будет уехать из города. Что начнётся, когда Егоров узнает о существовании копий его документов, она не знала. Но ложью, всеми смертными грехами – чем угодно – она должна его спасти. И осознав это, Мира готова была идти до конца.

– Я останусь с ней, Стас, и обещаю, что всё будет хорошо.

– Мир, это всё невозможно. У нас и денег нет. Москва, Израиль, лечение, операция, да даже дорога, представляешь, сколько на это нужно бабла.

Она сначала не поверила своим глазам, а потом его. В глубине них вспыхнул едва заметный огонёк. Это была надежда на жизнь. Стас снова поверил ей. Но он снял кепку и сказал совсем другое:

– Смотри, какой я brutальный лысый, а потом снова обросту ведь, и буду, как маменькин сынок. Надо мне это? – он часто иронизировал по поводу своей болезни, чтобы не бояться.

– Стас, перестань, – Мира начала раздражаться. – Я всё придумала. Ты только согласишься и верь мне. Сегодня вече-

ром за тобой приедет Анатолий Васильевич, и вечером же вы уедите с ним в Москву. Там ты пройдёшь обследование. Ко времени его окончания, у меня должна быть нужна сумма. Может быть, придётся немного подождать, но деньги будут. Если у меня всё получится. Но я не уверена. Сейчас ты должен просто поверить мне на слово. С тобой я поехать не смогу, но, как только получится, я сразу приеду.

Она начала выезжать с парковки, когда телефон снова завибрировал. Номер скрыт. Мирослава открыла сообщение и прочитала: «Зря ты, девочка, во всё это лезешь. Твоя жизнь стоит намного дешевле». Она вздрогнула. Вряд ли испугалась, просто это оказалось слишком неожиданно. До этого сообщения она не осознавала, что затея может оказаться по-настоящему опасной. Стас почувствовал, как она напряглась:

– Мир, ты чего. Чё случилось?

– Всё нормально. С работы пишут. Достали. А у меня вообще-то отпуск, – Мирослава улыбнулась.

«Сейчас нельзя расслабляться, нельзя, чтобы он что-то заподозрил. Какой бы он ни был взрослый, он ещё совсем ребёнок. Просто ребёнок без детства».

Стас снова устал, откинулся на спинку кресла и искоса смотрел на неё. Внутри у него начала подниматься чёрная волна – предчувствие беды. То же самое он ощущал, когда возвращался домой и уже в подъезде чувствовал, что вопреки всем обещаниям и его молитвам мать снова пьяная.

Он уже пристально смотрел на женщину за рулём. Костяшки пальцев побелели от того, как сильно она сжимала руль, взгляд устремлён вперёд, сосредоточен: со стороны могло показаться, что она просто неопытный водитель в плотном потоке. Вот только глаза ничего вокруг не видели. Она смотрела внутрь себя. Волна предчувствия в душе Стаса перерастала в панику.

Мира была очень красивая. И он не знал, кто она для него: подруга, тетя, соработник, мать или женщина. Просто лагерный воспитатель. Они знакомы год и два месяца. Она беленькая, благополучная учительница. Она обожает поэзию Серебряного века и прозу Куприна. Она носит белые кроссовки и белые носки. А он не знает, как они остаются белыми всегда. И на что кормить мать, купить хоть какую-то зимнюю обувь себе и ей, оплатить отопление и как дожить до весны, он тоже не знает. А очень хочется. Он понимал, что толку в слезах нет, а так хотелось заплакать. Так хотелось уткнуться в её приятно пахнущую мягкую кофточку и рассказать, как хочется жить, как хочется с пацанами пить пиво на лавочке, провожать девчонок домой и целоваться в подъезде, и знать, что у тебя впереди не три месяца, а жизнь. И рассказать ей, чистенькой и беленькой, как пахнет август за три месяца до смерти.

Эти проклятые белые носки. Один раз с пенсии Стас тоже купил себе такие. Перед тем, как надеть, долго мыл полы в квартире. Не помогло: дойдя от комнаты до коридора, он

согнул ногу в колене и из-за плеча посмотрел на почти чёрные стопы. Он не умел их носить. У него была мать алкашка, страшная болезнь, куртка, в которой он ходил с середины октября до середины апреля и постоянное чувство голода. Ну, как он мог поверить ей... Училке литературы в белых носках. Но поверил. А для себя решил, если она его предаст, то больше никому. Когда он принял это решение, ему стало как-то проще верить.

А ещё он стеснялся её. Не знал, как говорить при ней, не знал, как себя вести, как выразить благодарность. Ему так хотелось обнять её и сказать «спасибо». Спасибо за тот борщ у неё дома, спасибо за джемпер, которые она купила в подарок отцу, но тому не подошёл размер. За поддержку. За то, что смогла вселить в него надежду. Он не мог ей всего этого сказать, собирался, но слова так и застревали в горле.

Спустя 20 минут они парковались во дворе, где все свои 15 лет прожил Стас. Двор просто поражал изобилием зелени, нелепых фигур и построек, которые жильцы сооружали сами и жутко этим гордились. Здесь был и расписной Теремок, сколоченный из досок разной ширины, и пальмы, сделанный из коричневых и зеленых пластиковых бутылок. А прямо посередине двора, за деревянным столом, сервированным детским чайным сервизом, восседала огромная нелепая кукла-бабушка в шляпе с широкими полями. На её тряпичном лице были нарисованы чёрным маркером глаза и нос, чуть ниже красовалась красная полоска – губы, сжатые

в тонкую ниточку. На первый взгляд она больше напоминала маску из «Пилы». Но «дамой» жильцы гордились больше всего. Мира припарковал машину рядом с подъездом, и уже собралась выходить, когда Стас остановил её:

– Мир, ты не обижайся, но можешь подождать меня здесь. Я быстренько соберусь и выйду, – его глаза были полны надежды, что она не пойдёт в его насквозь пропахшую перегаром и детской болью квартиру. Она постаралась сделать вид, что не придавала этому значения:

– Да, сходи сам, мне позвонить надо.

Стас грустно улыбнулся и быстро вышел из машины. Ей, действительно, надо было подумать над тем, что же делать дальше. Для начала она решила позвонить дядь Мите и сообщить, что жить у неё на даче он будет не один. Она достала телефон и набрала номер, который не был записан в телефонной книге. Он не брал трубку. Мира позвонила снова.

– Алло, – раздался в трубке сдавленный хриплый голос, который больше напоминал медвежий рык.

– Дядь Мить, это я, Мира.

– Здравствуй, дочка.

– Дядь Мить, ситуация немного поменялась. Со всеми документами я разберусь сама. А тебя только попрошу присмотреть за одной женщиной. Она оказалась в хреновой ситуации. Много пьёт и ещё... В общем, она мать Стаса. Ты можешь собраться за пару часов? Я приеду с ней за тобой, а потом отвезу вас ко мне на дачу. Потому что за Стасом

скоро приедет доктор Ремпель, и они уедут в Москву, а потом и я.

– Да, дочка, приезжай. Я и сейчас готов.

– Тогда встретимся у входа в заброшенный лагерь. Там, где ты мне всегда собирал землянику. Помнишь?

– Помню. Я всё помню. Приезжайте скорее. Я хочу посмотреть на тебя.

– Я позвоню, – Мирослава положила трубку.

Она решила позвонить Стасу и рассказать ему о новом плане, но тут заметила, что его телефон валяется на соседнем сидении. Время поджимало. Стаса долго не было, поэтому она решила подняться сама. Постучав в дверь, Мира планировала только поговорить с ним, но, когда она открылась, и в носей ударил резкий запах, внутри неё вспыхнула ярость. Мирослава толкнула дверь, Стаса и ворвалась в квартиру. Парень попытался её остановить, но не смог побороть включившийся материнский инстинкт. Она, как дикая кошка, кинулась мстить за несчастья своего детёныша. Мира вбежала в зал, где на полу валялась пьяная женщина.

Мирослава рухнула рядом, вцепилась ей в плечи и начала со всей силой трясти. Сначала она не подавала признаков жизни, её голова невольно моталась из стороны в сторону, но постепенно Марина начала приходить в себя. Мирослава всё продолжала и продолжала трясти её. Всё это время Стас стоял за её спиной в немом оцепенение, он больше всего боялся, что когда-нибудь Мира станет свидетельницей его

жизни. И этот момент настал. Ему было стыдно, но она уже всё увидела. В какой-то момент мать очухалась:

– Эй, ты кто? Отпусти меня, овца.

Но Мира не могла остановиться. Из неё вырывалась ненависть. Такая правильная, искренняя ненависть, на которую только способна мать, защищая своего ребёнка. Марине это все не нравилось, поэтому она размахнулась и ударила обидчицу по лицу. Удар получился на удивление сильным. Из разбитой губы заструилась кровь. От неожиданности Мирослава схватилась за губу, потеряла равновесие и упала назад. Стас наконец-то понял, что происходит, подхватил Миру, спрятал за спиной и загородил собой. Другой рукой он схватил за запястье мать. Но сил сопротивляться у неё не было, она обмякла и снова повалилась на диван.

Стас повернулся к Мире и сдавленным голосом прошептал:

– Мир, иди в ванную, умойся... Не пугайся, там чисто всё, я сейчас.

Мирослава встала и пошла в ванную. Сквозь шум воды она слышала, что в зале разговаривают на повышенных тонах, но не позволила себе подслушать. Через пару минут дверь открылась, и с перекисью в руках в ванную вошёл Стас:

– На, – протянул он флакон. – Я же просил тебя подождать внизу. Зачем ты пришла? Зачем тебе вообще всё это? Это моя жизнь, моя семья и моя мать. Плохая или хорошая,

но она моя мать. Тебя вообще никто не просил сюда лезть.

– Стас... Стас, прости меня. Я хотела поговорить, но почувствовав этот запах, увидев её, я не смогла сдержаться. Я хочу тебе помочь, защитить тебя.

– Мир, да пойми ты, не нужна мне помощь. Не нужна. Мы сами справимся. Нам никто не нужен. Ты из другого мира и ты заигралась.

Она смотрела на него измученными глазами и не верила.

– Стас, послушай меня, разреши просто тебе помочь. Иначе ты... Иначе ты умрёшь. Ты понимаешь. Мы уже обо всём договорились. Через несколько часов за тобой приедет Анатолий Васильевич. Ты понимаешь, ты слышишь меня? А твоя мама... мы отвезем её ко мне на дачу, там с ней проживёт один хороший человек. Ты знаешь его – дядь Митя из лагеря. Он прожил долгую жизнь и, может быть, у него получится ей помочь. По крайней мере, там она не будет пить, а после лечения ты вернёшься и заберёшь её. Я прошу тебя. Так будет лучше.

Стас спокойно дослушал и вышел из ванной. Мира прижалась лбом к холодному кафелю. По щекам потекли слёзы. Но плакать было нельзя. Если он увидит, точно не поймёт. Она снова умылась. Приведя себя в порядок, Мирослава вышла в коридор. Громко хлопнула дверью. На шум появился хмурый Стас с женским халатом в руке. Этот халат когда-то он подарил маме на день рождения. Копить пришлось долго, восемь месяцев, но он накопил. Только вряд ли она об этом

знала.

– Извини, что накричал на тебя. Ты этого не заслужила, – буркнул он. – Спасибо тебе за всё, что ты сделала для меня. Я никуда не поеду. Помощь мне не нужна. Уходи.

Он говорил, но не смотрел ей в глаза.

– Стас..., – она не успела сказать, что хотела.

– Мир, у меня совсем нет сил. Уходи или мне придётся тебя вытолкать за дверь.

Мира вышла из квартиры. На этот раз у неё не было ни слез, ни истерики. Она собралась и стала вся как будто монолитная. Сердце больше не рвалось на части, оно замерло. Она увидела эту грязную, тяжёлую жизнь одной семьи, каких в России сотни. Она будто бы увидела привидение. Вот ты живёшь и больше всего в жизни боишься увидеть привидение, ты думаешь, что умрёшь, если вдруг своими глазами в темноте разглядишь нечто потустороннее, а увидев, продолжаешь жить. С Мирой произошло то же самое: увидев настоящую жизнь, она не сошла с ума, не сбежала. Всё, что произошло за последние 15 минут, лишь укрепило веру в то, что она всё делает правильно, дало силы не бояться, а идти дальше, до конца исполнить то, что задумала.

Она села в машину. «Надо его как-то уговорить», – но как это сделать Мира не знала. Она набрала номер. Стас долго не брал трубку, но видимо всё-таки сжалился.

– Алло.

– Стас. Послушай и не перебивай меня. Сколько тебе оста-

лось? Полгода? Ты уйдешь и вспоминать о тебе, будем только мы с баб Клавой. А знаешь, что будет с твоей матерью? Она через пару лет тоже умрёт. Или её убьют. Нет, сначала выселят из квартиры. Заставят подписать какие-нибудь документы, а потом выкинут на улицу. И ближайшую зиму она не переживет, – Мира не успела договорить, как Стас бросил трубку.

Она долго сидела в машине и думала. Через полчаса от него пришло сообщение: «Жди. Сейчас спустимся». Он сделал это ради неё. Ради матери.

Прошло не больше 15 минут, как Стас под руку с матерью, которая ещё плохо держала равновесие, вышел из подъезда. В руках у него был небольшой пакет и спортивная сумка. В пакете его вещи. Август в этом году был жаркий, что было ему на руку. Кроме куртки, которую они с бабой Клавой в складчину купили ему три года назад, тёплых вещей у него не было. Куртка сильно жала в плечах, но ходить в ней было ещё можно. В спортивную сумку он сложил вещи мамы, которых тоже было немного. Но о ней он всё равно думал больше, чем о себе. Поэтому скромные запасы еды, которые были в их доме, он собрал ей в дорогу. Первое время они ехали, молча, но Мирославу напрягала тишина. Она давила на неё ещё и потому, что она чувствовала вину перед Стасом.

– Как тебе удалось уговорить её? – спросила она.

– Мир, перестань. Ты же видишь она в дрова. Её не нужно уговаривать, поднял и повёл.

– Заедем в магазин, купим им еды, потом за дядь Митей. Он будет ждать нас у старого лагеря, – она улыбнулась. – Помнишь, ночью лазили туда в поисках привидений?

Он помнил. Помнил всё, что было за эти короткие три недели, когда работники социальной службы принудительно отправили его в лагерь. Сначала он воспринял это, как тюремное заключение. И мать надолго оставлять одну не хотелось. Ещё больше он боялся, что в случае неповиновения его отправят в детдом. И вот, поддавшись на уговоры бабы Клавды, которая обещала следить за непутёвой родительницей, он всё-таки согласился. И там, веселая и улыбкавая, но абсолютно пустая, как ему показалось на первый взгляд, воспитательница Мирослава Игоревна на три недели подменила его настоящую жизнь на беззаботно-счастливое детство.

Она показала ему радость обливания друг друга водой в жару, заставила пригласить на медленный танец её – тоже очень чистенькую девочку из отряда. Вытащила его вместе с отрядом в заброшенный лагерь – разоблачать легенду о приведении. Научила раскаиваться и просить прощения даже за мелкие проступки. Научила брать ответственность за целый отряд и, наоборот, подчиняться командиру. Она поставила себя на одну с ними ступень: могла разочарованная заплакать и уйти с вечернего огонька. Это было не педагогично и не по-взрослому, зато по-настоящему. Он верил. И Мирослава Игоревна не подвела, поэтому он доверил ей ещё и свою жизнь.

– Стас, – толкнула его плечом Мира. – Ты спишь что ли?

– А? Нет, Мир, просто задумался.

– Пойдём тогда в магазин, времени уже совсем мало, неудобно будет заставлять Анатолия Васильевича ждать, он и так много для нас сделал.

– Да, пойдём.

Купив в магазине необходимое для дяди Мити и матери Стаса, они ещё прихватили с собой колы и чипсов. Каким бы он не был взрослым, он был ещё ребёнком.

Почти всю оставшуюся дорогу они молчали и иногда жевали. Дорога до лагеря была знакома Мирославе до метра. Она проделывала этот путь каждое лето десятки раз. Но этот, наверное, был последним. Вряд ли она вернётся туда, даже если всё закончится хорошо. И это было не связано со Стасом. Причиной был он. Воспитатель-легенда, человек, о котором даже говорили с придыханием. Дети, бывшие у него в отрядах, больше никогда не находили ему подобных. С Мирой их связал несколько пьяных воспитательских поцелуев и смска после: «Ты смешная и красивая». Больше они не виделись. Он, скорее всего, и думать о ней забыл, а она ждала нового сообщения, звонка, встречи. Этого не произошло. Потом, набравшись смелости, она спросила у кого-то из общих знакомых о нём. Ей рассказали, что некоторое время назад он сильно поднялся на каком-то интернет-проекте и уехал из России. Нельзя сказать, что она выплакала все слёзы, ночи напролёт не могла уснуть, вспоминая тот поцелуй.

Нет. Но сообщение так и не удалила, а холодок при взгляде на общую воспитательскую фотку, где их поставили рядом, пробирал до костей. У Стаса любовная история получилось примерно такая же.

Выехав на проселочную дорогу, Стас и Мира начали пристально вглядываться в лес. Где-то посередине между трассой и новыми лагерными корпусами их должен был ждать дядя Митя. Первым Стас заметил Графа – лагерьного пса, который неотступно следовал за хозяином. За ним из леса показался и сам дядь Митя. Мира притормозил и махнул рукой. Он подошёл к машине и наклонился к окну:

– Дочка, ты не обессудь, но я его с собой возьму, погибнет он без меня, старый ведь, затоскует и погибнет. Да и я, куда без него.

– Конечно, дядь Мить, не вопрос. С Графом и повеселей, и поспокойнее. Хотя там народу почти нет: дачный посёлок почти заброшенный. А вот деревня в паре километров большая. Там и магазин есть и даже медпункт.

Пока Мира рассказывала, старик устроился на заднем сидении, и похлопал по нему. Пёс сел у машины и не двигался с места. Он долго смотрел в глаза хозяину, потом подошёл и начал лизать руку.

– Граф, ты чего? – дядь Митя снова постучал по сиденью. – Запрыгивай.

Он снова посмотрел в глаза старику, лизнул ладонь и побежал в сторону лагеря.

– Он там нужнее.

Машина тронулась. Собака и старик не оглянулись друг на друга: они уже попрощались.

До дачи ехали около часа. Потом Мира помогла перенести вещи, показала, что и где лежит. Притихший Стас не участвовал в суете. Ему было тяжело и страшно. Как любой ребёнок, он не хотел уезжать от мамы. Но Анатолий Васильевич только что прислал сообщение, что скоро будет на месте.

– Пора, – она кивнула головой на дверь. – Я на улице. С дядь Митей пойду прощаюсь.

Когда они приехали на дачу, мать Стаса начала приходить в себя. Уже на месте он рассказал, что ей какое-то время придётся пожить здесь. Для неё он обозвал это кодировкой через труд. Она сначала пробовал возмущаться, но алкоголь ещё не до конца отпустил, поэтому сил не было.

– Всё, мам, пока. Я буду звонить. Ты постарайся не пить.

Когда он уходил, она даже пустила слезу, какую пускает всякий алкаш, если речь заходит о его родителях или детях. Стас вышел из дома быстро. Мира сразу обратила на это внимание.

– Да, Анатолий Васильч.

– Мир, у меня может сесть телефон. Я буду ждать вас у поста ГИБДД. Судя по навигатору через три с половиной часа.

– Я поняла. Хорошо.

Мирослава положила телефон на приборную панель, но уже через минуту он зазвонил снова. Она подумала, что

это доктор:

– Да, Анатолий Васильевич

– Мирочка, – голос в трубке был незнакомый и приятный.

Но она сразу почувствовала опасность.

– Здравствуйте. С кем я говорю? – Мирослава спросила это будничным тоном, чтобы не пугать Стаса.

– Мы с тобой вряд ли знакомы, хотя где-то, может быть, и встречались, ты девочка активная, в своём маленьком городишке на виду. И что толкнуло такую маленькую, умненькую учительницу в жестокий мир политики и шантажа. Неужели учителям настолько мало платят? Денежек захотелось.

– Я не понимаю, о чём речь, – не меняя тона, ответила Мира.

– Да, брось. Мне бы очень хотелось договориться обо всём мирно, лишать современное образование такого толкового педагога совершенно не хочется. Давай ты спокойно отдашь папочку и забудешь обо всём. Скажи, очень даже выгодное предложение? И все будут живы. И парнишка твой, ещё побегает.

– Но у меня нет никакой папочки, – она спародировала его интонацию. После слов о Стасе Мира снова превратилась в львицу-мать. И это звериное чувство затмило здравый смысл. Зачем она его злит.

– Но даже если бы была, ничего бы я вам не отдала. Все вы там бандюганы и воры.

Быстро и так по-детски выпалив это, она бросила трубку. Стас смотрел на неё вытаращенными глазами.

– Ой, ты ещё не лезь.

Через 20 минут она свернула с трассы к городу.

– Нас же Василич на посту ждёт?

– Мне тоже нужно заехать домой, собрать вещи. Тем более он будет только через три часа. Я передам тебя и сама чуть позже поеду за вами.

– Мир, ты чёт мутная такая? У тебя всё нормально. Проще было бы поехать всем вместе, на одной машине, чего бензин катать.

– Нет, дорогой. У меня есть дела, которые надо закончить сегодня-завтра. Потом я сразу приеду, тебе всё равно ещё обследование проходить.

– Ну, ладно, смотри сама, женщина – загадка.

Он улыбнулся. Так редко, после того, как они вернулись из лагеря, она видела его улыбку. А ещё реже спокойствие, которое читалось бы у него на лице. Каждую минуту он ждал, что произойдёт что-то страшное, непоправимое. Его сознание рисовало разные, но всегда трагические картинки. Но самое страшное было видеть, что кто-то звонит с неизвестного номера. Каждый раз он боялся услышать в трубке холодный голос: «Найдено тело, предположительно, Богушевской Марины Юрьевны. Приезжайте на опознание».

А ещё он представлял, что возвращается домой, а там очередной дружок пыряет её ножом. Он и карате начал зани-

маться, чтобы её защищать.

– Стас, давай вместе поднимемся, надо поесть, впереди длинная дорога.

– Поесть – это хорошо.

Он улыбнулся ещё раз, но уже тяжелее, силы быстро заканчивались, накатывала боль.

Мира припарковалась у подъезда. И они вместе поднялись на четвёртый этаж. Последний год 25-летняя Мирослава Ворошилова жила отдельно от родителей. Её съёмная квартирка больше напоминала домик куклы Барби: везде цветочки-вазочки, куча непонятных мелочей, много книг, а на кровати мягкий розовый плед. В её квартире было уютно и беззаботно, в её квартире жило добро и приятно пахло. Всегда. Здесь пахло базиликом, когда она готовила, пахло духами, когда она собиралась на работу или на встречу с подругами, постоянно пахло корицей, она добавляла её в кофе каждое утро и, казалось, что запахом кофе с корицей здесь пропитались даже стены. В квартире Миры никогда не было тошнотворного запаха перегара и ночной блевотины, дикой вони отчаяния и страха, дешёвых сигарет вперемешку с запахом годами невымытых тел.

Она быстро накрыла на стол. Они поели, и Мира пошла собирать вещи.

– Посуду помой, ок? – она подмигнула, зная, что он и без напоминаний сделает это, несмотря на самочувствие.

Надо было торопиться. Анатолий Васильевич уже ждал.

Они достаточно быстро добрались до места встречи. Говорили тоже недолго. И вот, она осталась на дороге одна.

«Итак, что я имею. У меня есть документы, но денег нет. Смска с угрозой. Через шесть часов Стас будет в Москве, два дня на обследование и всё. Что дальше делать?»

Что всё закрутится так быстро, Мирослава не ожидала. О времени она не думала совсем: идея казалась неосуществимой. Но надо было продолжать действовать. Она достала телефон и набрала по памяти номер:

– Николай Викторович, это Мирослава.

– Ты с ума сошла мне звонить, да ещё на личный мобильник. Идиотка.

– Послушайте. Деньги мне нужны все и сегодня. А документы я вам отправлю с курьером, скажем из Рязани. Почтите вы их только при таких условиях.

– Почему я должен тебе верить? – он говорил озлобленно, но в его словах чувствовалась какая-то беспомощность.

– Не должны. Номер карты пришлю, – и повесила трубку.

Остаётся надеяться, что это сработает. Она направила машину в сторону федеральной трассы, теперь в Москву. Здесь она сделать больше не могла ничего. Домой она решила не возвращаться. Подождала час, чтобы доктор и Стас успели отъехать подальше от города, и медленно тронулась следом. Всю дорогу в её голове крутились разные варианты развития событий. Наступала ночь. Глаза начали уставать. Света фар хватало только на то, чтобы видеть куда ехать: осве-

щать дороги в России – непозволительная роскошь. Она постоянно пыталась отвлекаться от страха и, как ни странно, у неё получалось. Это вообще было её отличительной чертой: в критических ситуациях она думала о чём угодно, только не о проблеме. Возможно, это помогало ей сдерживать тугой мерзкий комок страха, который, сидел внутри и готовился лопнуть. Если она позволит ему лопнуть, всё. Дальше – истерика, паника и оцепенение.

Некстати вспомнилось, как ходили с друзьями на квест. Вот там она истерила от души, плакала, просила выпустить. Было страшно, но она не знала, чего именно боится, что ждёт её за очередной дверью. А сейчас знала. Если Сазонов не переведёт деньги, Стас умрёт.

Ещё было очень страшно на аттракционе в детском парке. Тогда она визжала так, что билетёрша даже остановила его.

Мысли всё пытались увести её из действительности, нарисовать иллюзию привычной жизни. Мира так глубоко залезла в себя, что сначала не заметила, как по соседней полосе едет машина. Странность заключалась в том, что машина ехала параллельно с ней по совершенно пустой дороге. Хотя нет. Сзади ещё одна машина. Мире стало не по себе. Она увеличила скорость, но этим только продемонстрировала страх. Машина, которая была сбоку, начала прижимать её к обочине. Она знала, надо продолжать ехать в любом случае, не останавливаться. Мирослава вцепилась в руль и вжалась в сиденье.

«Вот он настоящий квест в реальности», – как-то торжественно подумала она и даже хихикнула. Ситуация начала усугубляться: боковая машина была уже в нескольких сантиметрах от её, жаться к обочине возможности больше не было.

«А что, если я сама их стукну, интересно, смогу выиграть время?», – Мира старалась не обращать внимания на свои шальные мысли, не реагировать на них, понимая, что думает ерунду. Пока она раздумывала, машину преследования по встречке обогнал джип. Обогнал и пристроился впереди. Такого поворота она не ожидала и потому немного сбросила скорость. В голове не было судорожных мысли о спасении, в голове мыслей не было совсем, как будто сознание отрицало реальность происходящего. Вдруг Мирослава услышала громкий хлопок, за которым последовал ещё один. «Всё, это точно конец», – подумала она, но машину краем глаза осмотрела. Окна были целы. «Может, и не в меня стреляют-то», – продолжала она себя успокаивать. Хлопки раздались снова, но на этот раз более приглушённые. Джип резко затормозил, в попытке спровоцировать столкновение. Завизжали тормоза. Мирослава воспользовалась шансом и снова вдавила педаль газа в пол. Почему-то удара после этого не последовало. Однако разбираться ей было некогда, она уезжала от погони. Педаль газа прогнулась под страхом и желанием жить.

Спустя час, когда смогла оглядеться и понять, что сзади никого, Мира притормозила. До конца не останавливаясь,

одной рукой она взяла телефон с навигатором: до Москвы оставалось 10 километров.

***

Над МКАДом поднималось солнце, а под колёса ложился туман. Чуть мокрая трасса, одинокая машина и спящий на заднем сиденье пацан. Картина. Всю дорогу Анатолию Васильевичу не давали покоя мысли о Мирославе. Радовало одно – деньги на карту пришли. Он проверял её в какой-то забегаловке в терминале. Значит, как она и говорила, у неё всё получается. «Наверное, надо позвонить и сказать про деньги», – он посмотрел на часы, время – 4:20. И все-таки набрал её номер.

– Мирослав, здравствуй. Я решил позвонить, не дожидаясь утра. Не спишь?

– Анатолий Васильевич, – она испугалась и обрадовалась одновременно. – Нет, не сплю. Что-то случилось?

Мира не стала говорить, что уже едет: неизвестно, что её будет ждать по дороге.

– Деньги пришли мне на карту.

– Как? Правда? – она до последнего не верила, что такое возможно. – Это очень хорошо. Значит, уже завтра вы начнёте обследование?

– Да, начнём. Давай там, аккуратнее. И верь.

Он положил трубку, а Мирослава голову на руль. Под утро она доехала до Рязани и остановилась, чтобы отдохнуть. Ясно одно – ночью её преследовали люди Егорова. А спас-

ли... А вот кто спас было непонятно. Это усложняло ситуацию: вдруг врагов стало в два раза больше? Ответ внезапно появился из остановившейся рядом машины. Точнее даже не ответ, а полунамёк, который она поняла. К машине подошёл мужчина и постучал двумя пальцами по стеклу. Она приоткрыла окно.

– Интересная ты баба, тебе чуть не убили, а ты стоишь прохлаждаешься, головку на руль прикладываешь.

– Ты кто? – вытаращилась на него Мирослава.

Но он проигнорировал её вопрос:

– Уж не знаю, чем ты насолила Славику, но мой тебе совет – вали из страны. Сегодня же выбери дешёвенькую, безвизовую страну и вали. Вон, в дружественную Черногорию.

Перед ней стоял обычный парень, каких сотни в России. Немного подкачанный, даже симпатичный, если бы не взгляд – насмешливый, неприятный и пустой. От этой пустоты в его глазах стало очень страшно, Мира быстро осмотрела его и почему-то обратила внимание на отсутствие кольца.

– Спасители как-то привлекательнее выглядят, носил бы очки что ли, а то так и не женишься, – Мира сначала всё это выпалила, а уже потом подумала, что такой ведь и врезать может. Но парень рассмеялся и даже улыбнулся ей:

– Вот есть, наверное, бабы нормальные, а я прокажённый что ли: ни одной не встречал. Ещё одна душевнобольная на моём пути. Ладно, я всё сказал, а там поступай, как зна-

ешь.

Пока он садился в машину, она увидела, что за рулём сидит ещё один мужчина. Ей показалось, что на мгновение они встретились взглядами, но она не могла его рассмотреть, только силуэт. Машина тронулась с места.

Спесь и смелость тут же слетели с неё. Мира поверила ему. Мысли прыгали внутри головы, больно ударяясь о стенки черепа. Ощущая эти точечные удары, она всё отчётливее понимала, что ей надо уезжать.

Дорога до Москвы показалась бесконечной. Она включила навигатор. Пункт назначения – аэропорт Шереметьево.

До места Мира добралась после полудня. Где оставить машину, она не знала. Пришлось спрашивать. На её счастье ей попался пожилой мужчина, местный житель, который помог ей с местом. Машину она оставила неподалеку, во дворе обычного жилого дома, и вернулась в аэропорт на маршрутке. В здании аэропорта стало немного спокойнее: люди, спешащие на отдых, металлоискатели, охрана.

В руке завибрировал телефон: «Это плохая идея. Я тебя везде достану. Ты же видела фотографии. Сначала с тобой будет то же самое». Номер другой, не тот, с которого она получила первое сообщение, и звонили тоже не с него. Мирослава подошла к ближайшему свободному терминалу.

– Добрый день. А когда ближайший рейс в Черногорию.

– Здравствуйте, – работница за стойкой холодно, но широко улыбнулась. – Сейчас посмотрю.

У Мирославы промелькнула мысль: «Если самолёт будет в течение часа с небольшим, то всё будет хорошо». Паспорт был с собой. Когда она уходила из дома, захватила пакет со всеми документами. Там был даже ИНН.

Девушка достаточно долго выискивала что-то в компьютере, и, наконец, подняла на Миру взгляд:

– Да, я могу вам помочь, – заговорила она. – Через 40 минут вылетает самолет в Тиват. Это как раз Черногория, – она обернулась через свое плечо. – Очереди небольшие – должны успеть. Билет стоит 7 тысяч 700 рублей, вас устроит?

– Да, оформляйте.

* * *

Стас не хотел разговаривать и боялся, что Анатолий Васильевич начнёт приставать с расспросами. Но тот молчал. Почти всю дорогу. Лишь после разговора с Мирой, он рассказал, что ждёт их в ближайшем будущем. Рассказал про анализы, больницу, перелёт и операцию.

Стасу было страшно. Рядом не было матери, с которой приходилось быть сильным, и Миры, которая давала возможность быть ребёнком.

«Где она, эта чёртова Мирослава? С виду училкаучилкой, а намутила непонятно что. Где-то деньги раздобыла. А вот интересно, если операция пройдёт неудачно, то я сразу умру или буду долго мучиться от дикой боли, как все онкобольные. Или умру внезапно и незаметно для себя. Вот так было бы нормально, хоть не больно и так, чтоб понять не успел.

Хотя так, наверное, не бывает», – Стас лежал на заднем сиденье, укрытый курткой доктора. Он сжимал её в кулаках, чтобы не заплакать.

Анатолий Васильевич смотрел на дорогу, напряжённо щуря глаза. Он начал уставать. Уставать в первую очередь от мыслей, которые почти совпадали с мыслями Стаса. Он не рассуждал о боли и смерти, он точно знал, если операция пройдёт неудачно – будет больно, но недолго.

Стас делал вид, что спит. Анатолий Васильевич делал вид, что верит ему.

Когда они подъехали к дому доктора, было уже совсем светло. Ремпель предупредил Киру, что встречать их не нужно, попросил ждать дома и приготовить завтрак.

Они вошли в квартиру. Пахло домом. Стас запах дома слышал только в гостях у редких друзей, а Анатолий Васильевич помнил его из детства. На встречу к ним вышла Кира. Простая Кира с пушистыми волосами и ресницами, в красивом длинном халате, такая неюная Кира, которая наполнила квартиру запахом дома.

– Доброе утро, – из-за растерянности и этого приятного запаха Анатолий Васильевич стал хмурым. Ведь в домах с таким запахом и говорят как-то особо, по-домашнему, как он не умел. – Кир, мы быстро перекусим и на работу.

– Хорошо, у меня всё готово, – она улыбнулась, притянула Стаса к себе и поцеловала в макушку. – Проходите, господа. Руки мыть в ванной.

Стас стоял ошарашенный. Последнее время его стали часто обнимать: баба Клава быстро и в подъезде, мать на даче пьяно и неосознанно, Мира по-матерински крепко, а теперь ещё и эта пушистая женщина.

***

Больше всего она боялась взлёта. Это был не первый полёт в её жизни. И каждый раз она больше всего боялась взлёта. Только самолёт, немного дёрнувшись, отрывался от земли, на неё наваливался панический страх, бороться с которым не получалось. Каждый раз при взлёте Мира молилась и плакала. Она не летала одна. Раньше даже представить себе не могла, что окажется на борту одна. Сейчас страха не было. Тревога, волнение, но не страх. Так бывает только со взрослыми. Ведь монстра под кроватью перестаёшь бояться, когда в жизни появляются другие, более существенные, проблемы, чем монстр под кроватью. У всех взрослых есть материальные и жилищные трудности, проблемы со здоровьем, у взрослых пьют мужья и изменяют жёны. Взрослые не боятся монстров и самолётов. Сегодня Мира тоже не боялась.

Этот полёт прошёл спокойно.

Она очнулась, когда под крылом, слепя глаза, заблестело море. Мирослава прижалась лбом к маленькому прохладному окошку. Ей хотелось броситься в море. Со всего разбега упасть в лёгкие успокаивающие волны. Почувствовать мощь и свободу бескрайней воды, её горьковато-солёный привкус. Испугаться и очароваться его независимостью.

Объявили посадку. Слева показался небольшое здание аэропорта.

Монтенегро. Когда она садилась в самолёт, то даже не знала, что в Монтенегро есть море. На несколько минут она перестала думать про дядь Митю, операцию Стаса, людей на ночной трассе, про документы и то, чем закончится её легкомысленная авантюра с Сазоновым и Егоровым.

Резкий толчок – самолёт сел на посадочную полосу. Ещё несколько минут и пассажиры, отстегнув ремни, начали готовиться к выходу.

Снаружи их встречали красивые люди. Черноволосые смуглые мужчины в солнцезащитных очках и вызывающе сексуальные женщины. Подсознательно она заполняла себя увиденными мелочами, чтобы в голове было меньше места для мыслей. Ещё несколько минут, пара улыбок, стойка паспортного контроля и указатель «Выход в город».

Покинув здание аэропорта, она остановилась, чтобы подумать. Куда идти дальше, она не знала. Её растерянный вид моментально привлёк проворных таксистов. Их услуги стоили от трёх до десяти евро, но Мире некуда было ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.